

Ведьма, К РЕКТОРУ!

Ася Невеличка

Ася Невеличка

Ведьма, к ректору!

«Автор»

2019

Невеличка А.

Ведьма, к ректору! / А. Невеличка — «Автор», 2019

Все началось на Хэллоуин, вместо гадости подружки смешали приворотное зелье, а вместо шалости: подставить студентку-зубрилку перед первым красавцем универа, подставили её перед ректором. Никто не мог предположить, что ректор выпьет зелье! Никто не мог знать, чем это обернется для студентки. Книга содержит нецензурную брань.

© Невеличка А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Как три девицы под окном скучали поздно вечером	6
Глава 2. Этим детям много ль надо, им бы танцы до упаду	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ася Невеличка

Ведьма, к ректору!

© Ася Невеличка

* * *

*Если в Велесову ночь, ровно в полнолуние,
Дева непорочная, но уже не юная,
По заветам старой ведьмы, взяв нектар богов янтарный,
Невзирая на запреты, всё в него добавит парно:
Несколько кристаллов моря, стёртых в пыль растений жгучих,
И добавит каплю сока из "пузатиков колючих",
Сок столетнего растения, выжмет чёрные плоды,
И всё это размешает стеблем горькой лебеды.
При свечах добавит крови, взбрызнет всё плодами с юга,
И закупорит посуду, имя загадав "супруга",
Согревая сердцем склянку, в тёмный лес пойдёт одна,
И вручит сосуд мужчине, чтобы выпил всё до дна!
То с момента губ касаний, он на веки "раб" ей станет!
И исполнит все желанья, и любить не перестанет!!!
Древнее пророчество старой ведьмы Натальи (мать) Ротаненко*

Глава 1. Как три девицы под окном скучали поздно вечером

Я зажала уши руками, заучивая классификацию родов и видов словесности, но болтовня соседок по комнате отвлекала. Еще и подруг позвали, накрыли стол, разлили вино, намалевали рожи. Нет бы свалили к подружкам, а не сюда тащили!

Но недовольно побурчав про себя, снова уткнулась в лекции.

– А Комаров придет? – с придыханием спросила грудастая Людка.

– Не ходит он, не благодарное это дело спортсмену и первому красавцу по окнам лазить, – тут же ответила ей подруга. – Он же привык, чтоб к нему сами лазили.

Монотонно заучивая виды, я косилась на быстро хмелеющих девчонок. Вот окосеют сейчас, какие тогда танцы? Займут все унитазы и до утра обниматься будут, дуры.

– Гандон он, – изрекла вторая моя соседка, – но так хочется поиметь его, попробовать. Девки с третьего курса говорят – он бомбический!

– Член что ли большой?

Алка кивнула, отмерила руками полметра и добила:

– И толстый!

– Ого... Хоть бы взглянуть.

Ну, пьяные же, дуры! Полметра! Как они вообще себе представляют? Я никак. Хоть опытом пока не блещу, в отличии от опытных сокурсниц, но тампон пыталась вставить, чуть глаза на лоб не вылезли! А это маленький тоненький тампончик, никак не полметра и в длину и в обхвате.

– Но если выкурить его из общаги...

– И подпоить...

– Подмешать. Он же спортсмен – не пьет принципиально.

– Ну да, если подмешать, то он придет на танцы.

Я отняла руки от ушей, потому что бесполезно было пытаться что-то выучить при таком галдеже.

– Давай сбцаем зелье? А? Типа, бодрящее? Ты его отнесешь, а когда захмелеет, притащишь сюда.

План по захвату пятикурсника шитый белыми нитками. Я вдохнула, закрывая словесность и доставая черновик для курсовика.

– Если к нему пойду я, то нафига мне тащить его всем вам? А?

– Но мы не можем впятером туда завалиться! А надо чтобы он честно выбрал одну из нас, – кто-то их дев еще пытался настоять на справедливости.

– А давайте нашу заучку пошлем?

Они затихли, а я от тишины чуть в экстаз не выпала. Идеальное состояние для подготовки! И ведь я не сразу поняла, что это *меня* обозвали «заучкой».

– Я никуда не пойду!

– Ну, Са-ань! Ну за-ай! Ты в женской общаге сегодня один хрен нифига не выучишь. Тут сейчас такое начнется! Хэллоуин же. Простыни вместо платьев, ведьминский макияж...

– Мётлы!..

– Откуда мётлы?

– Ну швабры. Девки с четвертого вахтершу узюзюкали, чтоб не пожаловалась и кастеляншу не вызвала.

– Гы!

– Сань? Тут до утра всё гудеть будет! Скоро парни подтянутся...

– На простынях. Их с торца уже девки караулят...
– Вот. Сань? Тебе лучше сегодня переночевать в мужской общаге, там ночью только такие же заучки как ты останутся. И никакой угрозы твоей девственности!

– Она чего, девственница?

– Целка.

– Серьезно? Бля-я-я...

– Давай, Сань, решайся. Выставишь нам Комарова и спи в его постели как королева. Девки говорят у него там траходром. А сегодня он весь твой – обложи его учебниками вдоль и поперек. Даже накрыться сверху можешь.

Я бы послала. Ей-богу, послала бы пьяных дур. Но это была не первая кутёжная ночь, и я знала, какой дурдом здесь начнется с полуночи. Совсем недавно, восемнадцатого сентября, на Елизавету-предсказательницу, устроили общаговский девичник, гадали, свечи зажигали, из окон всякую хрень кидали, предсказательницы. А потом пожар, сирены, эвакуация. Такой переполох был, ректор полночи по этажам бегал и орал, что отчислит всех ведьм из универа.

И что? Только пожарники уехали, а ректор покинул общагу, из-под кроватей повылезали припрятанные кавалеры. И вместо спокойной ночи у меня с двух сторон девки устроили оргии.

Девичник, блин!

Так что к Хэллоину я морально была еще не готова, от той ночи не отошла.

– Сань, ну отнеси? Из твоих рук он быстрее выпить согласится. Скажи, что это навороженные витамины...

– Амфетамины – спортсмены ж специальные витамины пьют.

Я фыркнула. Вот учится же как и я на филолога, а такое лепит!

– Протеины и аминокислоты, – поправила я девчонок, уже складывая учебные материалы в рюкзак. – Готовьте, отнесу.

Если в Велесову ночь, ровно в полнолуние,
Дева непорочная, но уже не юная,
По заветам старой ведьмы, взяв нектар богов янтарный,

– Ах ты звёздочка наша! Девки, мешаем!

– Коньяк – он быстрее.

– Давай.

Невзирая на запреты, всё в него добавит парно:
Несколько кристаллов моря, стёртых в пыль растений жгучих

– Посолить и поперчить...

– Нахрена? Чтоб вкус отбить?

И добавит каплю сока из "пузатиков колючих",
Сок столетнего растения, выжмет чёрные плоды,

– Но это же должно быть полезным? Давайте алоэ добавим, а? Моя бабушка говорит, он от всех болезней помогает.

– Куда-а-а?.. Ну ладно уж теперь. Кто попробует?

– Ты.

– Фуууу! Как горько! Это ты своим алоэ...

– Так от всех болезней же!

– У меня компот из черники есть, сладкий.

– Добавляй. Дай чего-нибудь тонкое, размешать? Ну вон зубочистку!

И всё это размешает стеблем горькой лебеды.
При свечах добавит крови, взбрызнет всё плодами с юга,

Я не выдержала, выхватывая из рук соседок пузырек и не глядя протягивая руку за зубочисткой.

– Ай!

Капля крови выступила из прокола, я машинально зализала палец и опустила зубочистку в бутылочку из дьюти-фри из-под виски, размешивая и потряхивая.

– А не пронесет его с этого пойла? – с сомнением принялась я.

– Отвратно пахнет? Да с чего бы? Там полезные ингредиенты. Давай только для запаха апельсин добавим.

– Нет-нет-нет, к коньяку только лимон! Держи.

Последняя капля упала в бутылочку и я закрутила крышку.

И закупорит посуду, имя загадав "супруга",

– Санька, ты только ректору на глаза попадись!

– А что, Максим Денисыч сегодня дежурит? – ужаснулась я, машинально прижимая бутылочку с «зельем» к груди.

Согревая сердцем склянку, в тёмный лес пойдёт одна,

– Ты иди, если остановит, скажешь, что за лекциями пошла...

– Ночью? – с сомнением протянула я.

– Ну ты же зубришь лекции по ночам?

– Но в мужское общежитие все равно не пускают.

– Скажешь, что позвонила и тебя на выходе ждут. Кстати, я сейчас позвоню, они тебя в туалет на первом этаже втащат в окно.

– А у них на первом разве не закрыт как у нас?

– У них? Это же кобели! Кто в мужскую общагу полезет? У них с этим проще...

– Аааа...

– Ну иди. Комаров на третьем этаже, комната триста двадцать седьмая. Стучишь, заходишь и не выходишь, пока не споишь ему пузырек с коньяком. А потом считай до десяти, и гони к нам в общагу за добавкой.

– А его точно возьмет? Вроде доза маленькая...

– Он ж спортсмен, его с капли должно свалить, а мы ему еще и с закуской намешали. Неси.

И я пошла, одной рукой прижимая подарок к груди, другой придерживая рюкзак за спиной. Если мне повезет, ночь я буду спать одна и спокойно.

На улице несмотря на поздний вечер было светло из-за яркой полной луны. Я задрала голову, выдохнув облачко пара, и залюбовалась тихим спокойным вечером. Насколько разительной была тишина в маленьком парке между общагами с тем, что творилось внутри стен.

– Несмотря на милое личико, – напевала я себе под нос для храбрости, – алкоголичка, алкоголичка, счастье прогорает как спичка, алкоголичка...

– Стой. Куда идешь?

Я вздрогнула. А вот и Максим Денисыч... А я даже не придумала еще убедительную ложь.

- Здравствуйте, Денис Максимыч... Даксим Менисыч... Простите...
- Уже надрались, – сокрушенно покачал головой ректор.
- Я?... Нет... Я не драла... съ...
- Что у тебя в руках?
- Ой, я надо... мне иду... Я заниматься!

Язык заостенел от страха. В нас еще свежо было воспоминание, когда Денис Менисыч, то есть, Максим Денисыч в начале лета поймал пьяных студентов и отчислил их из универа, даже не посмотрел, что этот очень перспективные ребята, стипендиаты.

Ректор протянул руку, и мое сердце ушло в пятки, где-то там неуверенно трепыхаясь. Я заметила, как посинели и дрожали пальцы Максима Денисыча, как он зябко кутался в свой костюмный пиджак, явно не греющий его в холодную промозглую ночь. Ректор переступал с ноги на ногу в сменной обуви, наверняка отсыревшей, но приказывал при этом очень уверенно.

- Отдай мне это. Я жду.
- Это не вам, – старалась отбиваться я, отступая обратно к общежитию.
- Понятно, не мне. Было бы странно, если бы это предназначалось мне. У тебя минута.

Что там у тебя?

И вручит сосуд мужчине, чтобы выпил всё до дна!

Я еще не решилась расстаться с пузырьком с коньяком и закуской, когда быстрым движением ректор завладел им и развернулся к фонарю, чтоб разглядеть.

Ну вот и всё. Сейчас он прочитает этикетку, понюхает и меня позорно исключат за пьянство! Что я скажу маме?!

– Так я и думал, – тяжело вздохнул ректор, удовлетворившись только внешним осмотром бутылочки. – А ведь я вас считал весьма перспективной ученицей, Александра Васильева.

– Я... Простите. Это не мне.

– Теперь уже точно не тебе. Возвращайся в комнату и завтра придешь в мой кабинет после второй пары, перед обедом.

– Зачем? – упавшим голосом спросила я.

– Обсудим твои перспективы в моем университете. Всё, перевернулась страничка, пока пока, алкоголичка!

Он еще и издевается!

С поникшей головой я поплелась обратно в общагу, проклиная свое безрассудство и то, как я купилась на подставу девчонок.

Оглянулась на ректора и сморгнула слезы с глаз. Мне показалось, или он только что махом выпил содержимое бутылочки? Да ладно, ничего с ним не будет. Он же ректор, а не спортсмен!

То с момента губ касаний, он на веки "раб" ей станет!
И исполнит все желанья, и любить не перестанет!!!

Глава 2. Этим детям много ль надо, им бы танцы до упаду

Никто в общежитии даже не вспомнил ни обо мне, ни о Комарове! Девчонки уже забились на пятый этаж, подальше от вахты на первом, а я ничком упала на жёсткую кровать, хватаясь за голову от собственной тупости.

Ведь могла вылить эту фигню из бутылки, даже разбить бутылку могла. Чего же не сделала? Зачем оставила это месиво в руках ректора?

И как рык из Ада, с первого этажа донесся громогласный окрик Максима Денисыча:
– ГДЕ ОНА?!

Я подскочила, не зная за что хвататься! Мне не надо уточнять, кто такая «она»!

Рюкзак, нет, куда мне рюкзак? Кофту взять и бежать... Куда? В окно?

По шуму, поднимающемуся с первого этажа на третий, по внезапно затихнувшей музыке на пятом, я знала, что ректор идет за мной, горит желанием расправиться. И даже слушать мои жалкие оправдания не станет!

Правильно, сама виновата, нефиг было...

– Не надо полицию, сам разберусь! – очередной рык, и я в панике, хватаю что попало со стола, бегу в коридор и понимаю, что некуда бежать.

Мечусь. И в последний миг решаюсь запереться в туалете. В женском!

Уже закрыв хлипкую створку общего туалета, залезла на унитаз и поняла, что в нашей общежитии все туалеты женские.

Оглядела руки и застонала: обувь то я не взяла, а Максим Денисыч обычно очень умный, догадается, что я где-то внутри... Зато батон прихватила.

Вот ду-у-ура!

– Это её комната? Где она? Что значит, не знаете? С кем живет? Где они? Ведите!

Я покрылась липким потом, понимая, что чертовым зельем навлекла на всех высшую кару! Если девки узнают из-за кого...

А, ну как же не узнают? Он мою фамилию орёт на всю общагу...

Не дадут мне тут доучиться. Надо пережить эту ночь и попробовать договориться о переводе. Может, отпустит?

Прислушиваясь к Армагеддону на пятом этаже, я обкусывала оставшиеся ногти и поскуливала от страха и жалости к себе.

Что с ним могло случиться за те десять минут, что мы не виделись? Он не отравился и не умер, иначе не скакал бы как в жопу ужаленный по этажам общаги. Вот. В жопу.

Пронесло? Может, случился мгновенный понос?

Ну я бы на его месте припустила бы домой, штанишки менять, а не носилась бы в поисках обидчика. Все равно я завтра вынуждена буду прийти к нему в кабинет. Не забудет же, вызовет...

– Где она? Ещё нет? Ключи мне от комнаты отдайте. Теперь свободны. СВОБОДНЫ, я сказал!

Дверь в туалет грохнула, и я подскочила, застыв с вытаращенными глазами верхом на унитазе. Ой, если он еще кабинки сейчас начнет проверять...

– Твою мать! – раздался глухой удар, и посыпалось разбитое стекло.

Сердце в груди перестало биться, резко заполнив оглушающим стуком уши, горло и живот. Ноги стали ватными, лицо горело, словно я уснула на конфорке.

Как же я стремалась пошевелиться!

Раздался звук открываемого крана, льющейся воды. Наверное, умывается, чистюля хренов. Потом воду перекрыли, два шага в мою сторону и...

Теперь меня чуть не пронесло! Но пронесло в правильном смысле: Максим Денисыч толкнулся в соседнюю кабинку и зажурчал...

Ога! Ректор писал в соседний унитаз, в женском туалете женской общаги, в шаге от меня! Очуметь!

Ноги от слабости и шока разъехались, и я неловко плюхнулась в унитаз, не удержав короткое «ой».

Журчание резко прекратилось. Вот и смерть моя...

Все произошло в мгновение!

Вот я только что торчала задницей в унитазе с болтающимися ножками по бокам, и в следующую секунду рассерженный ректор со злорадной улыбкой вытащил меня за шкуру, выволок из взломанной кабинки и припечатал к кафельной стене туалета, крепко удерживая за плечи.

– Попалась?

А мы что, в прятки играли?

– Я и не пряталась, – тихо просипела я, немного шалея от поведения строгого и праведного Максима Денисыча.

– А чем еще можно заниматься на унитазе в обнимку с батоном, Васильева?

– Вдруг бы проголодалась.

– Вот и я... проголодался!

За всё время нашего дурацкого разговора, ректор тяжело дышал, словно после стометровки, судорожно стискивал мне плечи, потом проводил по рукам, будто проверяя их на целостность. Жадно разглядывал лицо, губы своими темными, бездонными глазами и безумно пугал.

Неужели все же отравился?

– Максим Денисыч, с вами все в порядке? Если вы из-за батона, так забирайте.

Я протянула ему хлеб, он машинально взял и уставился на него. В долю секунды он словно стал самым обычным Максимом Денисычем, с суровым взглядом, с ироничным изгибом губ, сдержанный и грозный.

Но только на секунду. В следующую батон полетел на подоконник, я почувствовала колено ректора, уверенно разводящее мои ноги, и вот тут меня поглотила паника:

– Макси-и-им Денисыч! Вы что делаете?

– Утоляю свой голод, – с придыханием рыкнул ректор мне в ухо, и я успела ойкнуть, когда его губы жестко прижались к моим.

То с момента губ касаний, он на веки "раб" ей станет!

И исполнит все желанья, и любить не перестанет!!!

– Господи, как хорош-шо, – прошипел он, на мгновение отлипнув от губ, а я словно впала в ступор.

Целоваться с ректором в туалете? Не предел мечтаний. Даже больше скажу, как я в глаза ему завтра смотреть буду?

Но всё это плескалась в голове ровно до момента, пока Максим Денисыч не накинулся на меня с поцелуями со страстью оголодавшего зверя.

Так непривычно чувствовать во рту чужой язык, оглаживающий зубы, дёсны, заигрывающий с моим языком. Не успела я привыкнуть к ощущениям, как ректор сменил тактику, дав мне вздохнуть, и тут же снова запечатывая рот, только теперь втягивая мой язык в себя и посасывая.

Тут я охнула, вцепилась в его плечи, чтобы не упасть, и вздрагивала от странной вибрации, прошившей меня от этого жутко порочного поцелуя. Грудь напряглась, потяжелела, я привалилась к ректору, бесстыдно продляя это умопомрачительное ощущение щеколки внизу живота, а Максим Денисыч и не думал отпускать, сильнее насаживая на коленку и снова тараня мой рот своим языком.

Расползшаяся по телу вибрация не думала успокаиваться, набирая силу. Я стонала ректору в рот, мимолетно включаясь в происходящее. Вот Максим Денисыч сунул мне под кофточку руку, сжал грудь, я пискнула, но он даже не заметил. Стиснул сосок и нетерпеливо сдвинул чашечку лифчика, нагло лапая под кофтой голую грудь.

В этот момент нас обоих дёрнуло: меня от шока осознания, его видимо от собственной смелости и кайфа.

Ректор сам прервал поцелуй, закрыл глаза, откинул голову и гортанно простонал.

Это первый звук за время поцелуя, который стряхнул с меня эротическое наваждение.

– Максим Денисыч, вам нельзя... Нам нельзя... Что вы делаете?! Пустите!

– Моя девочка...

Он с такой дикой тоской гладит мои скулы, проводит пальцем по слишком чувствительным опухшим от поцелуев губам, и я почти стекаю по стене, ощущая, как другая ладонь соскальзывает с груди, убирается из-под кофты. Облегченный вздох уже на подходе, что, кажется, ректор пришел в себя, даже коленку убрал, сейчас и меня отпустит.

Но тут я подпрыгнула. Попыталась.

Его пронзительные пальцы каким-то неуловимым движением скользнули между ног сразу под трусики!

– Да, да, – простонал Максим Денисыч, не открывая глаз и не видя мой панический ужас.

Но даже это состояние изменило его первое прикосновение к моему самому закрытому месту. Я и не думала, что *там* так чувствительно!

Конечно, иногда я трогала себя внизу рукой, но его рукой это было по-другому – пронзительно остро! Вскрикнула, сжала бедра, мешая ректору фривольно двигаться под трусиками, и тут же расставила ноги шире, понимая, что никогда не смогу отказаться от добавки.

А подлый Максим Денисыч теперь с улыбкой смотрел на меня из-под опущенных век и творил своими пальцами что-то возмутительно-непристойное, от чего с губ слетали только всхлипы, а глаза сами собой закатывались.

Я больше не могла и не хотела смотреть на моего мучителя, весь мир свелся к одной точке на моем теле и к развратным ласкам, скользким движениям, ритмичным надавливаниям.

В этом мире сейчас остались только звуки наших прерывистых дыханий, его протяжных вздохов и моих всхлипов. Мир отторгал все запахи, кроме сексуального аромата парфюма ректора и разлившегося между нами запаха секса.

Никогда не думала, что секс пахнет... так возбуждающе. Тяжелый, проникновенный аромат неудовлетворенного желания, дикого притяжения и вечного голода друг до друга.

Я сама потянулась к его губам. Он без слов понял, как я хочу сейчас всего по максимуму. Я сама проникла в его рот языком, мечтая снова поймать особенную вибрацию от его посасывания. Он с жадностью втянул мой язык и нажал пальцами на точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.